

Ольга Шурова

БЛА
ТО
ВРЕ
МЕНЬ
Е

Ольга Шилова

**Б Л А Г О
ВРЕМЕНЬЕ**

С Т И Х И

К А Л У Г А
2 0 2 0

Художник
Вячеслав Черников

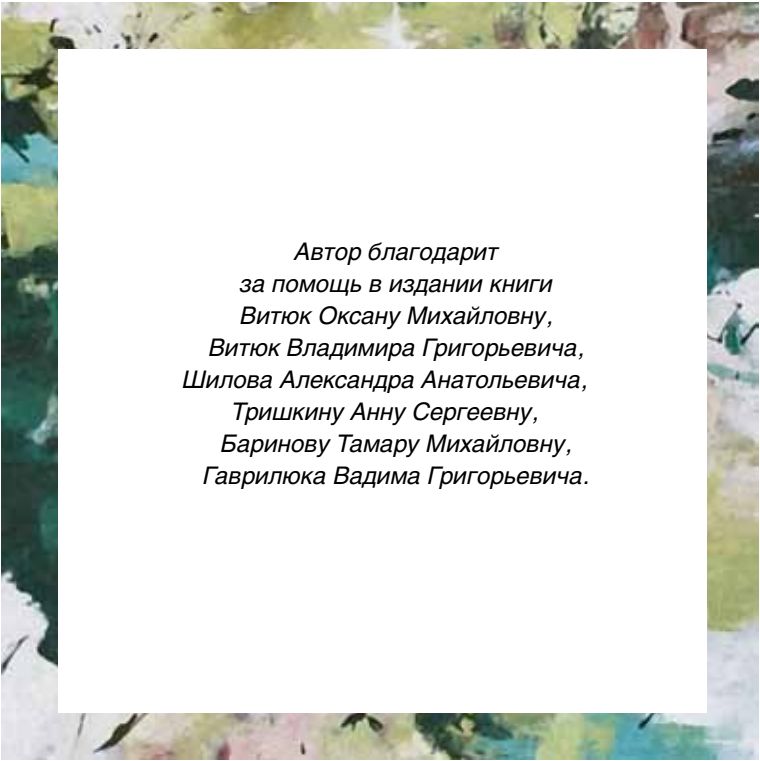
Шилова О.

Благовременье. — Калуга, 2020. — 72 С.: Ил.

Ольга Шилова – поэт, журналист, член союза Российских писателей. Родилась и живёт в городе Мещовске Калужской области.

Публиковалась в журналах «Фома», «Сибирские огни», «Восток Свыше», антологии «Молитвы русских поэтов» и других периодических изданиях и коллективных сборниках.

Книга «Благовременье» и две предыдущие «Нетерпёж» (2011 г.) и «Скит» (2016 г.) составляют своеобразный триптих внутренней биографии автора.

*Автор благодарит
за помощь в издании книги
Витюк Оксану Михайловну,
Витюк Владимира Григорьевича,
Шилова Александра Анатольевича,
Тришкину Анну Сергеевну,
Баринову Тамару Михайловну,
Гаврилюка Вадима Григорьевича.*

I

Дым – колечками – по снегу –
тенью под луной
вьётся параллельно бегу
моему домой.

Вызолочен и озвучен
уличный мой бег:
и певучий, и скрипучий
под ногами снег!

Шубы овчие вериги
тёплы, не тяжки.
В дом, в уют, к раскрытой книге
звонкие шажки!

Здесь, в пятидесятиметровке,
всё обжито, и очень давно –
от трёхкомнатной мебелировки,
до крылечка уютного – но –

пробудившейся в новое утро,
ей в диковинку это и то:
эта сладкая в баночке пудра,
этот кожаный профиль пальто,

это что-то звенящее слева,
и мурлыканье на груди...
Привыкай, привыкай, моя Ева,
целый день у тебя впереди.

Как хорошо, что чай зелёный,
и мёд, и яркие лимоны
на утреннем моём столе,
и Мурочка мурлычет рядом,
и никуда спешить не надо,
мороз рисует на стекле...

Ах, как всё это пахнет детством,
небесполезным домоседством
в объёмах книжных стеллажей,
альбомов и карандашей!

...Стеклянный градусник под мышкой,
под боком закадычный мишка,
из кухни запах пирогов
и звуки маминых шагов...

Каким с тех пор всё шло порядком –
неважно. Важно лишь: тетрадка,
три пары строк – и перед сном
любовно взятый с полки том –

потолще и поинтересней.
Пусть самый пик прошёл болезни –
но в горле всё ещё свербит,
и лист больничный не закрыт.

Вдох и выдох, вдох и выдох –
мимо низеньких домов,
мимо – на заборах – сытых
восседающих котов.

Как-то воздух нынче нежен
для моих хворобых гланд –
оттого ничуть не спешен
полудневный променад.

То-то благо, что не битву,
с дед-морозом и не прю –
Иисусову молитву
вдохом-выдохом творю.

Вперёд на запад к солнышку закатному,
февральскому, пылающему, холодному!
А слева в небе с южной стороны –
облатка убывающей луны.

... И вот уже обратный поворот –
теперь востока свет слепящий льёт:
напротив огнедышащей звезды –
накупольно соборные кресты

и высоченный колокольни шпиль.
И просится в строку высокий штиль:
о, как они превыспренне парят
над городом – приковывая взгляд!

И я гляжу – и глаз не отвести!
И попережку: Господи, прости,
спаси, помилуй, будь всегда со мной –
шепчу Ему меж солнцем и луной.

II

Дела мои проще простого,
похожи на замкнутый круг:
пока колдовала над словом –
все вещи отбились от рук.

Простые земные поделки –
полезны в домашнем быту:
ну как обойтись без тарелки,
лопаты в весеннем саду,

одежды и прочих изделий,
в миру выручающих нас?
Но быть расторопней падений
фаянсовых чашек и ваз....

стремительней грязи и пыли,
скопления груды белья...
Пусть где-то там примус чинили,
но только увольте меня

ещё от почина починок –
и пусть продолжается пря!
Я драный терплю свой ботинок,
как общий раздрай бытия.

И, клюквенным соком облитый,
единственный старенький плащ.
Как весело знать над корытом:
лишь мир стихотворчества – вящ!

*Вячеславу Черникову –
«книжкиному» художнику*

Твои автографы под ними.
И в каждом – часть твоей души.
Но как ты делаешь моими
свои рисунки, расскажи.

А хочешь я, доверясь слову,
секрет попробую раскрыть?
Творя, берём мы за основу
наития живую нить

■ 12

и труд, умноженный талантом
(иль, кажется, наоборот?) –
и вот спускаются десанты:
слова в стихи, и в свой черёд –

их образы на лист бумаги:
кружки, фигурки, завитки...
Графической полны отваги –
как пёрышко твоё – тонки..

И – будто с птичьего на птичий –
летят подстрочники ко мне!
Высокое косноязычье
в пиктографическом письме...

...Что – словом неизобразимо –
бессилен где – деталей бог –
твой гений – росчерком осилил,
неизреченность превозмог.

О Пушкин, ты над всеми нами!
Под распростертыми крылами –
нехилый выводок птенцов –

не робкая твоя ватага.
Ещё б: чернила и бумага
т а к и м початые отцом!

Но россыпью – по одиночке
свои оттачивая строчки
и рифмы ставя на крыло,

бредём века на гул словесный...
А ты – весёлый и небесный –
странноприимен к нам зело!

Памяти

*Е. Евтушенко, А. Вознесенского,
Б. Ахмадуллиной, Б. Окуджавы,
Р. Рождественского*

А кого же нам было читать?
Мы читали, понятное дело,
Евтушенко, Булата и Беллу...
их всего было, кажется, пять.

Мы виниловый слушали рок,
и гранит без усердия грызли,
и в строках, а всё больше меж строк
обретали искомые смыслы.

Мы сакральные их письма
не до дыр ли, читая, зубрили?
И кумиров своих имена
не со страстью ли произносили?

И откуда помалу росли
мы – томимы лирической жаждой?
Не от – в срок нам дарованной ли –
пятерцы – с их силой отважной?

Мы не ведали про политех
и фанатами полные залы –
посетители библиотек,
неформальные провинциалы.

Здесь звуки, возражая тишине,
выстукивая ритмы на стене,
и ванной вечно капающий кран –
не вводят ли меня в самообман,

что выправится всё само собой
под ходиков тик-так, их мерный бой –
лишь вслушивайся в ритмы и дыши
в покойном состоянии души?

Здесь с сердцем находясь наедине,
по слову: «сыне мой, даждь сердце Мне»
и «сердце чистое во мне созиждь»,
и «яко благ Господь – вкуси и виждь» –

и вижу, и вкушаю, и дивлюсь
и пуще самой себя боюсь:
чуть двинешься – и тотчас перекося –
давно ли под откос летел мой воз,

давно ли, в нараставшей дурноте,
стояла подсудимой на суде,
и пред Тобою тайный вскрыв нарыв –
в раскаянье помилована быв –

■ 16

молила: «дай мне тотчас умереть,
в намеренье святом окаменеть,
быть лучше истуканом – но Твоим,
бо ветхий мой Адам неисправим,
а, выправившись – выстоит едва!».

...Здесь с временем не ведаю родства,
и мнится, что его и вовсе нет,
а только бесконечно долгий свет –
незримое пространство для души,
молись в нём, мыслетворствуй и пиши...

среди рукописей и массива книг,
что медленно, построчно как ледник,
слоями нараставший искони,
подтаивает в мартовские дни...

...Постукивая мерным молотком,
здесь стихотворчество созиждет дом,
выравнивающее мой хребет,
нашаривающее Божий след
мерцающим фонариком своим.
Но – шествующее ли в ногу с Ним?

III

Потихоньку надвигается весна.
За окошком сумасшедшие коты.
На горе уже проталина видна,
и за зиму намороженные льды

на дорогах, тротуарах и вовне –
на поверхности набухли, и вот-вот –
всё подвластно будет мартовской весне,
всё растопит и в единое сольёт!

А поэту удержаться бы в себе,
а не в зыбкой атрибутике весны.
Он вышагивает ритмы по тропе,
из сердечной извлекая глубины...

Но куда ему сердешному идти
с этой тяготой мартовской внутри?
И кто может исповсть его пути
в три строфы, а может в тридцать три?

Я рано выставила рамы.
Подумалось: уже вот-вот...
Но стылый март стоит бараном
у ломаных моих ворот.

Не полно ли – ещё спросонья –
о шерстяных пещись портках?
У бестолочи - межсезонья
покорно числясь в дураках?

Уж и не грех, и по сезону –
о солнышке погрезив в срок –
влепить по праву, по закону
сему архару между рог!

Почки на ирге предусмотрительней меня.
Это я, поверившая солнцу
и на ветке пению скворца –
спрыгнула с нагретого крыльца,
и бегу, и каясь, и стена,
в тоненьком пальто без пододевки,
непокрытая застыла голова...

А они – ну не одной поклёвки
на обманную апрельскую наживку.
Лишь проклюнулись едва-едва.
Не дал Бог им права на ошибку.

От безлиственной деревьев черноты –
мир ещё тусклей и неуютней.
Выбрав в супермаркете еды,
улицу назад – немногочелюдной,

ног не чуя под собой, влетела в дом,
вся дрожа, едва открыв замочек...
Но сирени под моим окном
тянут ко мне клювики из почек...

Просыпаюсь раньше первых птиц,
(где-то после трёх уже не спится),
и, ещё не разомкнув ресниц –
жду, пока подаст в окошко птица

знак – что через час грядёт рассвет,
и – в чуть просветлевшее оконце –
станет ясно: явится иль нет
в спутники мне на прогулку солнце.

Днесь – явилось! Весь восток горит –
розовым и голубым так ярко!
Скоро небосвод весь озарит!
Дождалась я Твоего подарка!

Вот моё дневное житиё:
в речке полощу своё бельё,

катится апрельская река,
надо мной деревья, облака,

и дрожат серёжки у ольхи,
целый день – то стирка, то стихи,

то приготовление еды,
то еда, то кошки да коты.

К ночи скандинавская ходьба,
а в ночи молитва и мольба.

Птицы заливаются во всю!
Солнечный рассвет, второе мая.
По ту сторону Туреи и по сю –
всё луга от края и до края...

Впрочем – лишь на север и на юг.
На востоке – город полуспящий,
а на западе – зелёный луг
обрывается берёзовою чащей.

На небесном фоне бирюзы –
в изумрудной зелени берёзы,
На травинках бусинки росы –
выступившие спросонья слёзы.

Это чудо надо пережить,
как переживаю слёзы счастья
(всякий раз забыв, что будут лить)
в первые минуты по Причастьи..

Если чудо долго длится –
то – перевернешь страницу –
чуда боле нет.

Чудо – это сновиденье,
пролетит в одно мгновенье –
и прощай-привет.

Но кто счастьем дал границы?
День второй щебечут птицы
в солнечных лучах!

Из сиреней прут листочки,
в палисадниках цветочки,
сосенки в свечах!

Жаворонок в поднебесье!
Он парит, и в равновесье –
крыл его секрет!

И о буднично-чудесном
в мире сем противовесном
всё ли спел нам Фет?

IV

Мы коршуна видали в поле
и аиста видали.
Три дня о мировом футболе
и не подозревали.

Мы посреди травы и сена,
закатанного в тюки,
предивные вели беседы
без даже тени скуки –

о трав удачной косовице,
их будущей продаже,
о звонкой и весёлой птице,
что из небесной чаши

расплёскивает столько счастья
на каждого без меры!
Мы говорили о Причастье,
о простодушье веры,

о полыхающем закате
над монастырской крышей...
о мировом чемпионате
почти в упор не слыша.

Белая птица над полем летит,
низко над самой землёй.
Издали видит: недруг стоит,
надо лететь стороной –

и отлетает... А там – зверёк
опрометью бежит...
Все врассыпную и наутёк:
ящерицы, ужи...

Серая цапля на том берегу
глазом косит мне вслед:
некогда другу, теперь врагу –
Еве прощенья нет.

Все они названы были мной,
Отче, по именам.
Горе, что мир стал совсем иной,
и – не сдружиться нам.

Горько идти по земной тропе,
память не усыпишь:
вот, бездыханная на траве
спит землеройка мышь.

*«И печальна так и хороша
Темная звериная душа».*
О. Мандельштам.

*«Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
единый миг – они на воле.*
М. Цветаева
«Кошки».

Мне так уютно с нею спится,
под колыбельные «мурлы»,
но нам, увы, не породниться,
бо слишком разные миры.

Душа моей любимой кошки
по-мандельштамовски темна.
Едва затеплятся окошки,
из дома выбежит она –

и на неведомой тропинке,
на солнечном припёке дня
до косточек прогреет спинку,
и позабудет про меня.

Но за калиткой, в палисаде
меня нечаянно найдя,
тихонько подкрадётся сзади
на сук поваленный взойдя,

и станет наблюдать неслышно,
сужая щёлочки-зрачки,
как я окапываю вишни
и выдираю сорняки.

И, не задев листка на ветке –
в два скока станет близ меня!
Моя красавица! Кокетка!
Мне, как Цветаевой, родня.

Ах, как приятно устаться в точку,
если клюёт и клюёт!
И не забавно ли: под поплавочком
рыбкой плывёт самолёт!

Прямо из облачно-розовой глуби
я вынимаю плотвиц...
Жаль их, безвинных, которых мы губим –
рыб и зверей, и птиц...

Но как им рада ничейная кошка!
Сцапает – и убежит!
А налови я побольше немножко –
с нею и кот был бы сыт...

V

Благоденственное время!
Лишь трудов святое бремя –
незатейливо-неспешных,
деревенски-неизбежных.

Ты доколе мне такое –
сердцу – для его покоя
и свободы преизбытка?

...Дом со сломанной калиткой,
покосившимся забором –
дом – как в крепости, в котором.

В нём, вседневно понимая
невосстановимость рая
даже в мизерном пространстве, –
грежу о Небесном Царстве.

33 ■

Ливнями с лица омытый,
окнами вовне открытый –
дом – как тяж, как пуповина.
Дом – как мира сердцевина.

В мире, в коем длится Драма, –
дом, как продолженье храма.

Я себе купила кеды
с белыми шнурками.
Господи, ужели беды
Ты развёл руками?

Я ещё ступаю шатко
по одной полоске,
будто первачок в тетрадке, -
слыша отголоски

обвинительных обстрелов,
бомбовых ударов,
метко-снайперских прицелов
и ночных кошмаров.

Но в день праздника победы,
мира и объятий,
раскошелилась на кеды
и две пары платий.

И в течение недели,
вставши спозаранку,
подиумный шаг модели
с царственной осанкой

отработала почти что.
Прочь, бывая участь!
Ишь ты, Господи, поди ж ты,
какова живучесть!

Подвязываю кустики малины,
что с осени подрезать не успела.
Земля моя, как вдруг я захотела
любить твои родимые суглины,

чтоб все перетереть в руках комочки,
все камешки изъять из твоей плоти –
и – пишущей ли, пашущей ли в поте –
вот так же въедливо как будто строчки,

возделывающей усердно гряды
с морковкою, редискою да луком –
о дай мне насладиться твоим пухом –

забывши, что нам быть с тобой не рядом,
не тело с телом –
а единым, целым...

Первоиюньский холод...
Благо, что греет печь.
И в жерновах измолот
камень, что рухнул с плеч.

И не страшна досада –
минусовый прогноз.
Выживут – и рассада,
и шесть бутонов роз.

Всё-то предуглядела,
загодя приукрыв.
То-то – любое дело
в радость, а не в надрыв.

Ах, как истоплен жарко
дом, и как пышет печь!
Благостней нет подарка
раскрепощенья плеч.

«Дождик, дождик, пуще,
Дам тебе гущи!»
Детская заличка

Дождичек... такой забытый...
тихий-тихий, редкий-редкий...
Нет в саду моём беседки –
розой и плющом увитой...

А была бы – с первой каплей
упорхнула б к ней под кущи.
Дождичку не дам я гущи,
в куртке вымокну едва ли.

А коль так – без прибаутки
дополю все эти грядки.
Летом дороги минутки,
и клубничины так сладки!

Всё дождь и дождь, всё лужицы-озёрца,
все огороды – хлюпкие болотца,
все бабочки исчезли и жуки,
все ягоды, что вызрели, осклизли,
и лишь лягушки счастливы и слизни,
и в междурядьях злые сорняки.

А я гляжу, как шлёпает спросонок
в сапожках и в цветном дождевике
соседский не улыбчивый ребёнок,
и правлю текст в своём черновике.

Благое у словесника занятие:
в уме, на языке, и под рукой:
сиди, живописуй себе ненастье,
а завтра, даст Господь, и летний зной.

Стоят весёлые погоды –
дождя и солнца в меру.
Ожившие вдруг огороды
в себя внушают веру.

Уже укропа и редиса
пощипанные гряды,
вот-вот, и расцветёт мелисса
и перечная мята.

Весь день в теплице ободочной
жара, как возле печки,
и стрелки у стеблей чесночных
закручены в колечки.

И меж писанием рассказа
и переделкой книги
по три и по четыре раза
рву ягоды клубники.

Прохлада ветра, солнечная ласка...
в Эдеме ли я, Господи, иль в сказке –
в июньский, пятьдесят уже восьмой –
как прежде юный, день рожденья свой.

Но юность чуть иного стала свойства
без этого безумного геройства
бросаться в омут страсти с головой,
на берег выходя едва живой.

А всё ж – неизменяема покуда,
и в череде смятения и чуда
не утомилась странницей в пути,
ещё готова столько же пройти.

Тяпкой, тупой от времени-сроку
и травяных стеблей,
я продолбила себе дорогу
и для – дай Бог – гостей.

Из дому стала ровна площадка –
скатертью – широка.
Пусть не асфальт, но чиста и гладка,
благо, земля суха.

Всё, как в далёком и праздном детстве:
травы, земля, покой...
Здесь, в моём радостном домоседстве –
игры с самой собой.

Всякое дело – как развлеченье
без – ничьего хлыста.
Жизнь – как свободное приключенье –
в сути своей проста.

VI

Мы с Виталей крышу подлатали,
тазик мне теперь не подставлять.
Жизни невеликие печали
так легко и просто исправлять.

Заодно и выкрасили крышу,
а затем веранду и крыльцо.
Я иду по улице и вижу
дома обновлённое лицо.

По натуре я, конечно, кошка,
но и к людям привыкаю я.
Мы с Виталей сблизилась немножко,
и уже, нам кажется, друзья.

Мне его присутствие не в тягость:
это ангел Божий во плоти.
Нам ещё герметиком осталось
по оконным стёклышкам пройти

и монтажной пеной между брёвен
(паклю растаскали по весне
птицы на строительство гнездовий),
и сего довольно мне вполне.

Жаль, что не прожить зиму снежной
в одиночку с кошкой и котом –
как они – легко и безмятежно.
Но зато надёжным будет дом.

В воздухе – смешанный запах речной
и огорода и сада.

В небе горящий заводик свечной,
громко стрекочет цикада.

Всё потихоньку склоняется в сон,
жаждет забвенья в сиесте.

Август, что трижды был Спасом спасён,
томен, как яблоки в тесте.

Всё в ожиданье последних плодов,
отдохновенья в прохладе.

Сколько весенних зачато трудов
рая осеннего ради.

Яблоки зреют! Я – тут как тут –
яблочная душа!
Много их нынче в моём саду!
Яблоня – хороша!

Да, разломилась на три ствола,
сучьями на земле.
Но в этом мае вновь расцвела,
как уже девять лет.

И – за старанье тебя хваля –
я – так как ты щедра –
яблок – варенье из них варя –
режу по два ведра!

VII

«...короткая, но дивная пора...»

Ф. Тютчев

1.

Ветер в ушах как плейер.
В утреннем горсаду –
первосентябрьский клевер
розовый – весь в цвету.

Где хоть намёк на осень
в зелени ярких трав?
Слабую вижу проседь,
голову вверх задрал –

в липовой гуще кроны.
Видимо, лишь вчера
в силу вошли законы
прямо из-под пера

в небе парящей стаи,
сделавшей полный круг,
что без законов знает:
скоро лететь на юг.

Что ей травы газонной
пятый уже укос?
Модницы межсезонной
прядь накладных волос?

2.

Кроны липы и клёна ещё зелены,
но шуршит под ногами листва,
и вкрапления первой в ветвях желтизны
различимы, но только едва.

Эта зелень умрёт на глазах у меня,
к декабрю будет саван ей сшит,
но пронзительно-нежное день ото дня
мне прощание с ней предстоит.

Как бессмысленны осени первые дни,
и как солнце бесцельно печёт,
как пугает и жжёт то, что в нас искони
совершает свой гиблый отсчёт.

Как печальна, и как умножает печаль,
вдруг припомнившаяся строка,
что всегда была в осени первоначаль-
ной пора – и всегда коротка.

Больших стволов разлегшиеся тени
и холодок, чуть ветреный, бодрит,
и каждый листик клёна и сирени
янтарным солнцем на просвет горит.

К вам прихожу, как в храм за исцеленьем,
деревья парка старого, река,
с дыханием моим, сердцебиеньем,
сбоящими, хотя пока слегка.

Полезно мне для каждой нервной клетки,
для утоленья боли и тоски
глядеть, как на упруго-тонкой ветке
расцвеченные треплются листки...

С рассветом кружили над старым парком,
галдели со всех сторон,
а к ночи его оглушили гарком
в ветвях поредевших крон.

Их здесь поджидало собрание галок,
болтающих меж собой.
Все птицы смешались без перепалок,
устроившись на покой.

На самых макушках – листва скупая,
а выше – покров из звёзд.
Семейство грачей – небольшая стая –
питомцы окрестных гнёзд.

И долго ещё говорили птички
на множество голосов.
И слышались в галочьей перекличке
раскаты густых басов.

И вдруг – как отрезало: все умолкли –
как будто был подан знак.
Ах, вот бы сейчас подглядеть в бинокль
грачи почивают как...

У природы кончился запал,
выгорело солнечное масло,
что неэкономно расточал
Ангел, щедролюбию согласно.

Он теперь нацелил решето,
и всё цедит облачную влагу
в птичье оголённое гнездо,
и на подзаборную дворнягу.

Не корить его, а оправдать –
сердце растранижившей – не мне ли?
Чем лампаду буду заправлять
на Страстной, обугленной неделе?

VIII

Бедный мой родимый дом!
токмо куры под окном,
свой или соседский кот
или редкий пешеход –

до того, что не стерпеть
выглянуть да поглядеть:
кто – откуда – в чём одет
сей приезжий иль сосед.

Покосившийся забор –
всем ветрам наперекор,
маясь от доски к доске –
всё висит на волоске.

Ох ты тонкая моя,
стен бревенчатых броня!
Ветродырый мой ковчег!
Додышать бы в тебе век!

55 ■

Плыть да плыть бы... но пока –
не рискую – голубка
выпускать – разведчика
Отчего крылечика:

чуть промажет голубок,
закосит на ин порог –
и – не пальмы веточку,
не масличный мне листок
в клювике – а уголёк
принесёт в повесточку...

Оранжевая чашечка цветка
с ромашково-густыми лепестками –
календулы, иначе – ноготка –
с высоким стеблем, крепкими листками!
Как жизнь с тобою наша коротка!

Как греет нас последнее тепло,
ни облачка над жёлтою листвою.
Опять твоё семейство расцвело,
как, помнится мне, раннею весною.

Я знаю, ты мечтаешь, как и я,
чтоб длился вечно этот отблеск рая,
чтоб в солнечных объятьях октября
нам жить и жить с тобой, не умирая.

Мелким крестиком, иглой,
медленными пытками
вышивается живой
плотяными нитками –

изводя за часом час
их запас скудеющий –
профиль мой и мой анфас,
ох не молодеющий.

Не подьемлет головы
древняя работница,
до иглы и до канвы
страстная охотница.

День и ночь – всё кыль да кыль,
да в ушко продёвывай,
да старьё готовь в утиль,
да сиди позёвывай.

То-то, всякий день хожу
в вышитой обновочке!
И, пока не отдышу –
буду – как с иголки!

Юности молочная река,
где теперь твои густые сливки?
Или из сметаны-творога –
облаков кудрявые загривки?

Жаль, их языком не облизать,
не переложить на землю ложкой,
разве издали живописать,
вкус припоминая понемножку

тёплого парного молока –
цельные, нецеженные струи –
их давя из каждого соска
и глотки на языке смакуя.

Вот бы так до самой смерти пить
сладкое росяно-луговое!
И кормилицу благодарить,
вымя целовать её тугое...

IX

Картофель выкопан и «Фауст» перечитан,
и старая исписана тетрадь,
и в ветхом, на гнилую нитку свитом,
гнездовье предстоит мне зимовать.

Привычно неприметной жить в юдоли,
как сердцу, заключённому в груди.
Картофель надо высыпать в подполье,
не то с субботы зарядят дожди.

Стекольщика и сварщика дождаться,
чтоб не задуло и не залило.
Глядишь, и раем может показаться
жизнь: сухо, сытно и теплым-тепло.

Как тебе, душе моей девице,
не в пример блудливому уму –
двух миров до времени жилище,
верность соблюсти лишь одному?

Листья облетевшие горсада,
бусами увешанная ель –
благо, лишь недолгая отрада,
зыбкая земная карусель.

Благо – ни к чему не знать привычки
и не оборачиваться вспять,
в мире быть не боле певчей птички,
и себе, и Богу щебетать.

Не высокомерничая – благо
избегать общественных затей.
Знать, как пахнет книжная бумага,
и не ведать теленовостей.

Как в августе поэзия густа!
Наваристая с каждого листа,
как с косточки, бараньего ребра,
что, кажется, не сдвину я пера.

И как же водяниста в ноябре,
что вовсе не удержишь на пере:
не каплями стекая, а ручьём,
лепечет себе что-то о своём

на непереваемом языке,
известном лишь деревьям и реке.
Загадочно-чужда и холодна
как дикая далёкая луна.

Господи, тихие благослови
и одинокие будни мои.
Тихий за окнами тает закат –
он в одиночестве тише стократ –

но оглушительней крики ворон
и неустанный кузнечиков звон;
ближе, родней дождевые ручьи,
наземь падение яблок в ночи;
и не прозрачнее ли, не пестрей
крылышки ос и стрекоз, и шмелей?

Скажут: не мил одинокому свет.
Это обман – одиночества нет.
Лишь из-под зонтика выгляни – и –
первому встречному зонт протяни:

«На, бедолага, до нитки промок!»
И – уже двое – а третий – Сам Бог.

Каждый день начинать с нуля,
с первозданного соловья,
самой первой своей весны,
забывая дурные сны.

Сделав первый, как в детстве, шаг –
от восторга воскликнуть так,
что закружится голова.
И, впервые сказав слова
на родимейшем языке,
их впервые предать строке.

Беззащитной вступить в сей мир,
безбагажной, как пассажир
в самый скорый из поездов,
в коем не наблюдать часов.

Миг – и ты на другом конце
с вечной радостью на лице –
там, за тридевятью земель,
где звенит неземная трель!

Читая «Благовременье» Ольги Шиловой, первое, на чем себя ловишь – на соблазне причислить её к последователям Гесиода, потому что кажется, именно труды и дни – содержание её книги, а в основе композиции – все тот же земледельческий годовой круг зима-весна-лето-осень. Однако «Труды и дни» Гесиода – поэма дидактическая («Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением») – чего у Шиловой нет, зато у нее есть другое. Здесь уместнее вспомнить цветаевское «...И за горячую кровь, И за холодную воду. Благодарю за любовь. Благодарю за погоду».

То есть, поэзия Ольги Шиловой – монолог благодарного человека, «человека в потоке», как любят говорить современные психологи. И если считать «потоком» то деятельное сосредоточение, в котором существует поэтесса, легко объяснить и основные черты ее лирической героини – гармоничность существования, сильные эмоции от, казалось бы, вполне ничтожных вещей, внутреннюю стойкость, не требующую подкрепления, ибо подкрепляет сам труд, сам процесс. В потоке нельзя существовать всегда, это состояние проходя-

ще, но любому человеку в жизни необходимы такие счастливые передышки, периоды гармонизации. Отсюда и название – «Благо-время».

Это – труд в радость, не утомляющий, а придающий силы.

Благоденственное время!
Лишь трудов святое бремя –
незатейливо-неспешных,
деревенски-неизбежных.

Оттого каждый день, описанный автором так пристально и бережно, насыщен множеством теплых деталей. Но здесь царит не райская безмятежность, а глубина и интенсивность переживания. И опять вспоминается Цветаева, казалось бы, далекая по почерку, но близкая в самих основах – «в поте – пишу-щий, в поте – пашущий».

Лирической героине важна не только музыка природы, но и «объятья книжных стеллажей», привычно раскрытая тетрадь, союз естественности и культуры.

...Здесь с временем не ведаю родства,
и мнится, что его и вовсе нет,
а только бесконечно долгий свет –
незримое пространство для души,
молись в нём, мыслетворствуй и пиши...

И не удивляют рассыпанные в книге скрытые цитаты – мы ведь имеем дело с «посетителем библиотек», «неформальным провинциалом», как не без иронии характеризует себя Ольга Шилова.

А поскольку одним из главных образов этой книги остается Храм, хочется вспомнить акафист «Слава Богу за все»: «Благословенна мать-земля с ее скоротекущей красотой, пробуждающей тоску по вечной отчизне...».

«Благовремье» вместе с двумя предыдущими книгами «Нетерпёж» и «Скит» составляют своеобразный триптих, отражающий путь развития беспокойной, ищущей души. По словам И.Б. Роднянской, следившей год за годом за развитием лирики Ольги Шиловой, если первые две книги лирических стихов автора были полны тревоги, эмоциональной перенапряжённости, поиска своего места под небесами и умиротворяющими сводами храма, то третья, пронизанная ощущением гармонии и благодарности, – это ныне знак, что поиски были не напрасны.

Ирина Василькова

СОДЕРЖАНИЕ

I	
Дым – колечками – по снегу... ..	5
Здесь, в пятидесятиметровке... ..	6
Как хорошо, что чай зелёный... ..	7
Вдох и выдох, вдох и выдох... ..	8
Вперёд на запад к солнышку закатному... ..	9
II	
Дела мои проще простого... ..	11
Твои автографы под ними	12
О Пушкин, ты над всеми нами!.. ..	14
А кого же нам было читать... ..	15
Здесь звуки, возражая тишине... ..	16
III	
Потихоньку надвигается весна... ..	19
Я рано выставила рамы... ..	20
Почки на ирге предусмотрительней меня... ..	21
Просыпаюсь раньше первых птиц... ..	22
Вот моё дневное житиё... ..	23
Птицы заливаются во всю!.. ..	24
Если чудо долго длится... ..	25
IV	
Мы коршуна видали в поле... ..	27
Белая птица над полем летит... ..	28
Мне так уютно с нею спится... ..	29
Ах, как приятно устаться в точку... ..	31
V	
Благоденственное время!.. ..	33
Я себе купила кеды... ..	34
Подвязываю кустики малины... ..	35
Первоиюньский холод... ..	36

Дождичек... такой забытый... ..	37
Всё дождь и дождь, всё лужицы-озёрца... ..	38
Стоят весёлые погоды... ..	39
Прохлада ветра, солнечная ласка... ..	40
Тяпкой, тупой от времени-сроку... ..	41

VI

Мы с Виталей крышу подлатали... ..	43
В воздухе – смешанный запах речной... ..	45
Яблоки зреют! Я – тут как тут... ..	46
Падка весьма на твои угощенья... ..	47

VII

1. Ветер в ушах как плейер... ..	49
2. Кроны липы и клёна ещё зелены... ..	50
Больших стволов разлегшиеся тени... ..	51
С рассветом кружили над старым парком... ..	52
У природы кончился запал... ..	53

VIII

Бедный мой родимый дом!.. ..	55
Оранжевая чашечка цветка... ..	57
Мелким крестиком, иглой... ..	58
Юности молочная река... ..	59

IX

Картофель выкопан и «Фауст» перечитан... ..	61
Как тебе, душе моей девице... ..	62
Как в августе поэзия густа!.. ..	63
Господи, тихие благослови... ..	64
Каждый день начинать с нуля... ..	65
<i>И. Василькова. Читая «Благовременье...» ..</i>	67

литературно-художественное издание

Ольга Шилова
Благовременье

редактор

И.Б. Роднянская

Макет, иллюстрации, вёрстка

В.А. Черников

Подписано в печать 20.03.2020.
Формат 76x108/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 100 экз.

Типография «Оптима-Пресс»,
Калужская обл., г. Обнинск, ул. Гурьянова, 21, оф. № 15.
Тел. (484) 395 5646
e-mail: optima-press@obninsk.ru

Ольга Шилова – поэт, журналист, член союза Российских писателей. Родилась и живёт в городе Мещовске Калужской области. Публиковалась в журналах «Фома», «Сибирские огни», «Восток Свыше», антологии «Молитвы русских поэтов» и других периодических изданиях и коллективных сборниках. Книга «Благовременье» и две предыдущие «Нетерпёж» (2011 г.) и «Скит» (2016 г.) составляют своеобразный триптих внутренней биографии автора

